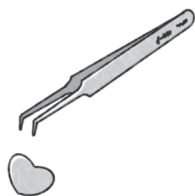

Содержание

Афродита и Гефест	7
Секрет Ханы	20
Профессиональная сваха Толстушка Пак	32
Любовный эликсир	48
Персонажи с картины Фернандо Ботеро.....	61
Похоже, я ей нравлюсь.....	75
Аптека, в которой звучит музыка	89
Согласие на приобретение лекарственного препарата.....	101
Мне как-то грустно	115
Психологические приемы, позволяющие распознать ложь	129
Что делает душу человека прекрасной?	142
Наглая ложь	156
Куда направлен его сияющий взгляд?	168

Эффект зеркала.....	181
Она мне искренне нравится	192
Потомок Лилит	204
Да что с тобой такое?.....	216
Любовь всегда права.....	229
Прощать сложнее, чем любить	242
В каждом есть светлая и темная сторона	251
В унисон.....	263
Горячий рокот мотора.....	274
От автора.....	284

*От любви есть только одно средство:
любить еще больше.*

Генри Дэвид Торо

Афродита и Гефест

С первого взгляда может показаться, что зданию аптеки, уютившемуся между старенькими двухэтажными домами, здесь не место: поблизости нет ни одной клиники. Однако вывеска не обманывает — здесь располагается «Аптека сердечных дел».

Раньше на этом клочке земли площадью около шестидесяти квадратных метров находился склад. Его построили несколько десятков лет назад и сдавали логистическим компаниям для хранения продуктов. Сначала нужно было внести депозит в размере двух миллионов вон, а потом ежемесячно выплачивать триста тысяч вон за аренду. За все время у склада сменилось несколько хозяев, и в конце концов, расплывшись уродливым пятном, он занял весь двор, примыкавший к жилому дому. Потом его переделали в аптеку.

Если выйти из квартала со старыми двухэтажными домами, пройти мимо рынка и пересечь автостраду, то попадешь в новый квартал со стройными рядами многоэтажек, увешанных многочисленными вывесками аптек

и всевозможных клиник. Через старый и новый район тянется Душевная улица.

— Совершенно ясно, что это место нам очень подходит. Мы не потянем аптеку в новом районе — огромный депозит, налоги, и все это не меньше миллиона вон в месяц. А такое помещение нам в самый раз. На цокольном этаже — лаборатория, а на первом — торговый зал.

Мадам Хан улыбнулась, рассчитывая, что Хёсон согласится с ее доводами. Предложение выгодное, но каким образом из амбара, построенного сорок или даже пятьдесят лет назад, можно сделать аптеку? Хёсон недовольно покачала головой.

Мадам Хан развела такую бурную деятельность, что ее возбуждение передалось и отцу, который пребывал теперь в несколько взбудораженном состоянии. Крупный, словно медведь, на первый взгляд он казался абсолютно спокойным, но его выдавал персиковый румянец на круглых, как у младенца, щеках, выступающих из-под роговой оправы очков. Возможно, отец загорелся идеей аптеки сильнее, чем мадам Хан, а она лишь умело распалаяла в нем это желание.

После ремонта склад постепенно стал превращаться в аптеку. Как-то, возвращаясь с работы домой, Хёсон проходила мимо витрины, и ее заметила мадам Хан, которая, закатав рукава, мыла полы. Женщина вышла на улицу, бросила Хёсон тряпку и поручила вымыть витрину. Девушка подчинилась, но задание выполняла без особого усердия.

— Пойми, это наше единственное спасение, — вкрадчиво произнесла мадам Хан, словно приглашала Хёсон вступить в какое-то тайное общество.

— Ты правда думаешь, что дело пойдет?

— Разумеется. Если ты присоединишься к нам с отцом, нас точно ждет успех.

Откуда только такая уверенность?!

— А зачем вам я?

— Для пользы нашего семейного бюджета.

«Нашего»? Когда это они стали семьей, объединенной словом «мы»? В этот момент у Хёсон непроизвольно вырвался удивленный возглас:

— И что конкретно от меня требуется?

— Консультировать клиентов. У тебя как-никак диплом психотерапевта.

Сейчас Хёсон работала музыкальным психотерапевтом по временному контракту в одной из частных клиник. Она выбрала это направление, поскольку оно считалось перспективным, но найти постоянное место работы оказалось не так-то просто. Хёсон частенько размышляла о деле, которым занималась, особенно когда, общаясь с клиентом, вдруг понимала, что наружу вылезают собственные травмы. А ее учили так: чтобы начать лечить других, сначала необходимо проработать свои проблемы. Возможно, ей самой не помешала бы консультация специалиста. Психотерапевт не должен принимать близко к сердцу боль пациента, иначе вместо одного утопающего в пучине тревожных мыслей и чувств будет уже двое. Но видимо, Хёсон еще не научилась отстраненно воспринимать чужие печали. Слова мадам Хан озадачивали: действительно ли пригодится ее диплом?

Поразмышляв, Хёсон попыталась было что-то возразить, но мадам Хан забросала ее увесистыми доводами, так что девушка, кое-как разделавшись с витриной, опустив плечи, побрела на нижний этаж, где располагалась «лаборатория сердечных дел», как гордо прозвала мадам Хан это укромное помещение.

Сколько себя помнила Хёсон, лаборатория отца всегда находилась в подвале. Поженившись, они с мадам Хан собрали все, что было у них за душой, и купили дом, стоявший вплотную к бывшему складу. Их убеждали, что он построен всего каких-то пятнадцать-шестнадцать лет назад, однако выяснилось, что ему уже исполнилось полвека. В домах старой постройки, на подземном этаже, располагались подвалы, где раньше, до появления бойлеров, хранился уголь, которым отапливались верхние комнаты. Стоило спуститься по лестнице со стороны сада, как перед глазами представало помещение площадью шестьдесят квадратов. Его быстро очистили от хлама, и бывший угольный склад превратился в пространство, которым безраздельно владел отец. У каждого в доме было свое место: у Хёсон — мансарда, у мадам Хан — первый этаж, а у отца — подвал. Как масло не смешивается с водой, так и их жизни не растворялись друг в друге.

Когда Хёсон смотрела на папу и мадам Хан, ей невольно вспоминалась супружеская пара греческих богов — Афродита и Гефест. Афродита была богиней любви и красоты, а ее муж Гефест привлекательной внешностью похвастаться не мог, зато был мастером на все руки, именно поэтому ему поклонялись кузнецы. В отличие от трудяги Гефеста, который уходил в работу с головой, забывая про все на свете, Афродита слыла персоной ветреной. Хёсон предполагала, что именно история этой пары легла в основу известной сказки «Красавица и чудовище». И все-таки она не могла понять, каким чудом мадам Хан и отец умудрились найти между собой что-то общее. Чем «чудовище» могло привлечь «красавицу»?

Отец был старше и не отличался красотой, так что, разумеется, он влюбился в мадам Хан с первого взгляда. Она же описывала их прошлое непонятным словом «эро».

Это резкое и холодное слово звучало точно таинственное заклятие и оказывало сильное влияние на всю жизнь Хёсон.

Папе вот-вот должно было исполниться шестьдесят, из солидного мужчины средних лет он постепенно превращался в старика. Но если залысины и лишний вес можно списать на возраст, то маленькие, словно черные пуговички, глазки, широкая переносица и толстые губы были у него и в молодости. Немало мужчин страдает нарциссическим расстройством, однако папа, по счастью, этого недуга избежал. «Дочка не похожа на меня», — говорил он, и это было самой большой похвалой для Хёсон. Однако мадам Хан возражала: «Да где же не похожа? Она твоя копия». Хёсон же считала, что взяла черты лица от обоих: в детстве была вылитый отец, но с возрастом все больше стала походить на мадам Хан. «Дети всегда лучше своих родителей». Для Хёсон эта фраза, сказанная довольно молчаливым отцом, очень много значила. Она совершенно не вписывалась в его мировоззрение ученого, зато показывала, насколько слепа его родительская любовь. Впрочем, ничего удивительного, ведь, как гласит корейская пословица, и для ехидны свое дитя самое лучшее.

Когда Хёсон спустилась в подвал, первое, что она увидела, — спину отца, сидевшего за столом. С годами он сутулился все сильнее. Папа наверняка слышал шум за спиной, но даже не пошевелился. Когда-то он работал учителем биологии, потом ушел из школы и стал преподавать на подготовительных курсах математику и естествознание. Львиная доля отцовского заработка уходила на исследования, поэтому основу семейного бюджета составляла зарплата мадам Хан, которая работала фармацевтом в крупной аптечной сети. Уже несколько лет, как папу уволили по причине возраста. Вдобавок ко всему

пару месяцев назад и мадам Хан осталась без работы, попав под сокращение. Она-то и предложила открыть свою аптеку, аргументировав это тем, что устала безрезультатно рассылать резюме.

Надо сказать, мадам Хан частенько брюзжала на отца: «Эти твои исследования — чушь собачья! Хоть бы деньги приносили!»

К счастью, лаборатория отца не была полностью изолирована от окружающего мира, хотя целиком и полностью принадлежала ему. Она никогда не была запретной территорией, поэтому в детстве Хёсон могла забегать туда в любое время. Лаборатория помогала малышке развивать фантазию. Ей представлялось, что если в такой комнате смешать жабыи глаза с седой шерстью тигра, спрыснутой живой водой, то откроется дверь в волшебный мир. Какое-то время Хёсон думала, что папа не биолог, а химик. На самом деле она не сильно ошибалась, потому что он занимался биохимией — наукой, которая объединяла в себе обе дисциплины.

В детстве Хёсон привлекала таинственная обстановка лаборатории. Спустившись в подвал, девочка будто бы попадала в магический мир, о котором читала в книжках. Потом, когда она стала подростком, усилились разногласия с мадам Хан и интерес к лаборатории постепенно пропал. Именно тогда мадам Хан начала называть исследования мужа «эро». Слово непонятого происхождения, абсолютно точно не корейское и не японское. Что общего могло быть у исследований отца с этим понятием? Наверное, про себя он соглашался, что это звучное короткое слово точно обозначает то, чему он посвятил всю свою жизнь.

Исследования отца давали кое-какие результаты. Он смог даже запатентовать несколько своих находок. На-

пример, в продажу поступил изобретенный им освежитель воздуха, который действовал еще и как репеллент от комаров, и как средство для поглощения излишней влаги в воздухе, что было очень кстати во время сезона дождей. Правда, чтобы создать его, отец был вынужден в буквальном смысле закрываться в четырех стенах.

Хёсон подошла к папе, который был погружен в свои «эро»-разработки. В уголке стола, на подносе, стояла никелевая кастрюля с рамёном и рис быстрого приготовления в пластиковой упаковке. Похоже, он ужинал. Мадам Хан, не сильно преуспевавшая в домашних делах, скорее всего, в очередной раз не стала утруждать себя готовкой, сославшись на занятость в аптеке.

— Ты уже вернулась? — Отец обернулся.

Он не пытался уговорить Хёсон работать вместе с ними: понимал, что, если встанет на сторону жены, дочь будет упираться еще сильнее. Отношение отца к Хёсон было таким же, как и у мадам Хан, за тем лишь исключением, что он не устраивал постоянные перепалки, а просто забывал о существовании дочери. Хотя была одна история, говорившая о его любви к ней. Хёсон исполнилось два года, и однажды мадам Хан отвела ее в интернат и оставила там. На следующий день отец ее забрал. Родители об этом случае никогда не вспоминали — может, было совестно... О том, что приключилась такая история, Хёсон узнала от дальнего родственника.

— Это твой ужин? Рис и лапша? Видимо, вы совсем замотались со своей аптекой, раз даже не можете нормально на стол накрыть.

— Так и есть. Маминых рук на все не хватает, бегаешь туда-сюда как проклятая... Ты выглядишь уставшей. Твоя работа точно того стоит?

— По-другому не бывает, когда работаешь по контракту. Делать нужно много, платят мало, страховые выплаты не предусмотрены.

Маленькие глаза отца заблестели, словно осколки стекла, сверкающие на солнце.

— В таком случае, может, подумаешь над маминым предложением?

Хёсон не успела возразить, так как отец, воодушевившись, решил не уступать инициативу в разговоре. Он начал говорить о музыке, что лишь она способна влиять на сознание людей, и привел в пример Гитлера, который с помощью произведений Вагнера управлял умами жителей Германии. Хёсон пыталась понять, чего отец хочет добиться этим разговором, но вскоре сдалась. Тем более что в его словах была правда. Музыка, как набор звуков, — одна из мощнейших сил, несущих в себе энергию космоса. С ее помощью можно создавать вселенные и разрушать города. А также влиять на сознание и тело любого человека. Во время прослушивания музыки настроение меняется под воздействием серотонина, эндорфина, дофамина, адреналина, которые вырабатываются в мозге. Отец закончил свою речь, сказав, что вещества, которые образуются в организме благодаря музыке, непосредственно связаны с сексуальной энергией. И в этот момент Хёсон поняла, к чему был весь этот монолог. Она знала, что отцовские исследования не связаны с музыкой, а значит, сейчас он пытался сделать то, что не получилось у мадам Хан, — убедить ее работать в их аптеке.

В середине разговора отец отвернулся, выдвинул пинцетом держатель препарата и положил на него предметное стекло. Движения, как всегда, точные и плавные. Клетки под стеклом активно двигались, незаметные для человеческого глаза. Как-то раз отец, взяв ватной палочкой об-